

Секция «Журналистика»

Политизация остранения в работах англоязычных исследователей

Львов Василий Сергеевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия
E-mail: basile.lvoff@gmail.com*

Среди западных исследователей зародилось течение, которое рассматривает литературную теорию Виктора Шкловского - и прежде всего понятие «остранение» - не только с поэтической, но и политической точки зрения. Такие англоязычные исследователи, как Светлана Бойм, Кристина Ватулеску, Галин Тиханов и другие, говорят в своих работах о теории остранения в связи с биографией Виктора Шкловского (вернее, в связи с ее отражением в произведениях самого Шкловского) и политической обстановкой в Европе и России в 1920-30-е годы. Статьи Бойм, Ватулеску и Тиханова появились практически в одно время на страницах журнала «Poetics Today», и даже названия у них схожие, во всех есть слово «политика» - «Поэтика и политика остранения: Виктор Шкловский и Ханна Арендт», «Политика остранения: прием Шкловского в литературной и полицейской практике», «Политика остранения: случай раннего Шкловского».

У Светланы Бойм и ее единомышленников доминирует мысль: остранение вначале было исключительно «приемом искусства», но со временем стало «экзистенциальным искусством выживания и практикой свободы и диссидентства» (Светлана Бойм). Когда эти исследователи пишут о том, что остранение из искусства «эмигрировало» в жизнь, они буквально трактуют фразу из «Сентиментального путешествия» о том, что жизнь после революции стала искусством. Отсюда же они делают вывод: когда жизнь стала искусством, в ней начало, как в искусстве, действовать остранение. Получается, остранение было связано не с жизнью, а искусством.

Здесь возникает два принципиальных возражения. Во-первых, сомнительно само противопоставление жизни и искусства. На ум приходят слова Юрия Тынянова из «Проблемы стихотворного языка»: «Я сомневаюсь только в правильности постановки вопроса. Можно ли говорить “жизнь и искусство”, когда искусство есть тоже “жизнь”? <...> Другое дело — своеобразие, внутренняя закономерность искусства по сравнению с бытом, наукой etc.».

Во-вторых, остранять жизнь возможно только в пространстве мыслительном, но не напрямую, ведь речь идет о человеческом восприятии. Поэтому точнее было бы сказать, что остраненное восприятие действительности иногда существует помимо искусства.

С этим связан один из наиболее важных тезисов автора - остранение есть прием, и не стоит называть остранением те явления, которые уже описаны, как, например, аристотелевское удивление, иначе понятие «остранения» станет размытым и девальвируется.

Таким образом, раз утверждение об «эмиграции» остранения из искусства в жизнь сомнительно, то под вопрос подпадают и все последующие умозаключения Светлана Бойм и ее единомышленников. В частности, утверждение Светланы Бойм о «тоталитарном авторстве» государства, которое на свой лад остраняет действительность, так

что художнику приходится сначала «разостранить» эту действительность и остранить ее по-своему.

В то же время автор доклада считает чрезвычайно интересными мысли Кристины Ватулеску, которая, ссылаясь на Виктора Шкловского и румынского писателя Николае Штейнхардта, говорит о само-остранении человека в тоталитарном обществе. Тема антитоталитарного потенциала остранения заслуживает отдельного обсуждения.

Также вызывает большой интерес размежевание между «остранением для мира» и «остранением от мира», которое проводит Светлана Бойм. Для избегания путаницы автор доклада предлагает говорить об остранении и отстранении. Остранение и отстранение соприкасаются. Но остранение – это раскрытие «упакованных» явлений автоматизованного мира, а не уход от мира. Отстранение, в свою очередь, – это уход от автоматизованного мира. Отстранение стремится к бессмыслице, оно бежит мира, мира в значении суеты, *vanitas*. Остранение имеет дело со смыслом, ищет его. Остранение культурно и глубоко социально. Отстранение – асоциально.

В связи с этим уместно еще раз вернуться к спору о смежных с остранением понятиях таких, как «отчуждение», «очуждение», «отстранение», а также «*Verfremdung*» в немецком и «*defamiliarization*» и «*estrangement*» в английском языках.

Наконец, автор доклада настаивает на том, что понятие и феномен «остранения» с самого начала были связаны не только с искусством, но и политикой. Поэтому политизация остранения оказывается ненужной исследовательской задачей. В то же время сегодняшние мастера слова склонны забывать о политическом потенциале остранения, и это может стать важной темой для дискуссии.

Литература

1. Svetlana Boym. Poetics and Politics of Estrangement: Victor Shklovsky and Hannah Arendt. *Poetics Today*. Vol. 26, No. 4, *Estrangement Revisited (I)* (Winter, 2005), pp. 581-611
2. Svetlana Boym. *Estrangement as a Lifestyle: Shklovsky and Brodsky*. *Poetics Today*, Vol. 17, No. 4, *Creativity and Exile: European/American Perspectives II* (Winter, 1996), pp. 511-530
3. Cristina Vatulescu. The Politics of Estrangement: Tracking Shklovsky's Device through Literary and Policing Practices. *Poetics Today*, Vol. 27, No. 1, *Estrangement Revisited (II)* (Spring, 2006), pp. 35-66
4. Galin Tihanov. The Politics of Estrangement: The Case of the Early Shklovsk. *Poetics Today*, Vol. 26, No. 4, *Estrangement Revisited (I)* (Winter, 2005), pp. 665-696
5. Проза / Ю.Н. Тынянов. Проза / В.Б. Шкловский; Сост. В.И. Новиков. - М. : СЛОВО/SLOVO, 2001. - 764,[4] с.